

Первые месяцы 1611 г. в истории России стали временем, когда по всей стране развивалось освободительное движение, направленное против польско-литовских интервентов и вступившего в соглашение с ними боярского правительства в Москве. На протяжении января-февраля начавшееся восстание охватило значительные территории на Севере, Востоке и Юге России. В начале марта войска из разных центров двинулись к Москве, чтобы очистить столицу от польско-литовских войск. К этому времени движение еще не охватило Запад и Северо-Запад страны¹. Войска из городов этих территорий в походе на Москву участия не принимали².

Положение изменилось после переворота в Новгороде в первой половине марта 1611 г. Когда в город пришли грамоты из Ярославля о начавшемся походе на Москву, представлявшие в городе интересы московского правительства Иван Михайлович Салтыков и Корнила Чеглоков были арестованы и посажены в тюрьму, новгородцы приступили к сбору рати для участия в походе. Как сообщали новгородцы в Ярославль, они отправили грамоты во Псков, Ивангород, Торопец, Луки, Невель, Заволочье, «чтоб стали с нами вместе»³. По-видимому, именно по получении этих грамот началось движение в новгородских пригородах. Конкретные сведения на этот счет сохранились лишь относительно Великих Лук. В жалованной грамоте Сигизмунда III Яну Войне Ясенскому от 23 ноября 1611 г. читаем, что посланный королем управлять Великими Луками он «за зменю людей московских на том же замку в вязенье (т.е. в плену – Б.Ф.) у них был»⁴. Стали меняться и настроения детей боярских на Смоленщине. Перемены были, по-видимому, столь глубокими, что под их влиянием заколебался в своей верности один из наиболее стойких приверженцев Сигизмунда Иван Никитич Салтыков. В январе 1611 г по настоянию короля он был послан из Москвы под Смоленск⁵ убеждать «великих послов» согласиться на ввод польско-литовского гарнизона в Смоленск, за что и взялся весьма активно⁶. Очевидно в награду за эти старания 4 февраля 1611 г. он получил боярский сан⁷. Когда начались волнения, он вызвался отправиться на их усмирение («замки брать на Его королевскую милость») с военным отрядом в несколько сотен человек. Когда отряд отошел достаточно далеко от Смоленска, на спящих солдат по договоренности с Салтыковым напали русские люди и перебили всех. Единственный оставшийся в живых был отправлен к Сигизмунду III с письмом, в котором (согласно польскому сообщению об этом событии) Салтыков требовал, чтобы король отошел от Смоленска, угрожая, что в противном случае русские будут разорять Литовскую землю, «как ты нашу»⁸.

Знакомство с сохранившимся текстом грамоты⁹ показывает, что это вовсе не было личное письмо Салтыкова. И.Н. Салтыков обращался к королю от имени дворян, детей боярских, посадских людей, стрельцов Смоленского, Дорогобужского, Вяземского, Можайского, Зубцовского, Бельского, Старицкого, Луцкого, Холмского и Торопецкого уездов. Поскольку в грамоте упоминалось об аресте и ссылке «великих послов», то очевидно, что она была написана после 12 апреля ст.ст., когда состоялся этот арест. Вместе с тем требование снять осаду со Смоленска говорит о том, что грамота была написана до взятия этого города 3 июня 1611 г. Следовательно грамота была написана во второй половине весны 1611 г. К этому времени, как видно из приведенного выше перечня, почти все западные уезды Русского государства были охвачены восстанием.

Грамота была составлена в крайне резких выражениях. Король обвинялся в том, что он «Московское государство до конца разорил», отрывает от него Смоленск и Северскую землю, чтобы присоединить их к Польше и Литве, уничтожает боярские и дворянские роды и вообще желает «силой Московским государством завладеть и нас полякам в неволю подать». В грамоте также подчеркивалось, что «теперь все Московское государство в соединении» и «из многих городов бояре, воеводы и все служилые люди писали, что все согласно за православную веру и московское разорение готовы помереть». В этом отношении грамота ничем не отличалась от грамот Первого ополчения. Отношение к политике Сигизмунда III здесь было такое же, как и в подмосковных полках.

Вместе с тем в позиции населения западных уездов были некоторые важные нюансы. Зимой 1611 г. организаторы Первого ополчения допускали возможность возведения королевича Владислава на русский трон, если король выполнит условия августовского договора и выведет польско-литовские войска из России, но после разорения Москвы возможность избрания польского принца была совершенно исключена¹⁰. Население западных уездов еще в

конце весны 1611 г. допускало такую возможность, если король выполнит условия августовского договора, снимет осаду Смоленска, выведет войска с русской территории и освободит имения детей боярских от «приставов». Такие отступления от общей позиции, занятой участниками освободительного движения, были, как представляется, связаны с тем, что на территории западных уездов стояла королевская армия и не могло быть полной уверенности в том, что ее удастся удалить оттуда силой. Отсюда готовность населения западных уездов несмотря на все, что произошло, возвести польского принца на русский трон, если такой ценой удастся добиться прекращения интервенции и сохранения территориальной целостности Русского государства. Впрочем, каких-либо практических последствий эти расхождения иметь не могли, так как Сигизмунд III вовсе не собирался выполнять поставленные ему условия, и жителям западных уездов ничего не оставалось, как отстаивать свои интересы вооруженной рукой.

Приведенные факты могут служить необходимым комментарием к сообщению «Нового летописца», что король по всему Смоленскому уезду «посла роты и повеле дворян побивати»¹¹. Такие действия составитель «Нового летописца» связывал с дошедшими до короля слухами о намерении детей боярских «отъехать под Москву в русские полки». В действительности посылка войск была ответом на начавшееся восстание. По словам составителя «Нового летописца» королевские войска «много дворян побиша, а достальные поидоша в Калугу». Иначе и, как представляется, ближе к реальным фактам описывает уход детей боярских с территории Смоленщины созданная в среде смоленских помещиков «Повесть о победах Московского государства». Согласно этому источнику дети боярские уходили в Рославль и к воеводе Василию Петр. Шереметеву в Брянск¹². По сообщению того же источника собравшиеся в этих городах дети боярские вовсе не собирались ехать в «подмосковные полки», а наоборот хотели «Смоленску помощь учинити и полского короля отогнати»¹³.

Свидетельство «Повести» получает подтверждение в данных иного, независимого от нее источника – записи допроса смоленского воеводы М.Б. Шеина после взятия Смоленска поляками¹⁴. Как следует из его сообщений, участникам восстания удалось установить связь с Смоленском. Сначала гонец, не названный по имени Уваров¹⁵, сообщил жителям города о разорении Москвы и отъезде И.Н. Салтыкова из королевского лагеря. Затем прибыл гонец от самого Салтыкова, Афанасий Димов¹⁶. Привезенную им грамоту Салтыкова читали «перед миром». По словам Шеина в ней содержались резкие выпады по адресу короля, вероятно аналогичные тем, которые читаются в грамоте Сигизмунду III. И.Н. Салтыков призывал жителей Смоленска держаться, обещая помощь.

Конкретные сведения об организации такой помощи должны были принести гонцы из Брянска во главе с Федором Вяземским¹⁷. По пути они подверглись нападению, грамоты от В.П. Шереметева были утрачены, но один из гонцов, сын боярский Владимир Конурин, сумел добраться до Смоленска и устно передать их содержание. Он сообщил, что на помощь Смоленску идет рать во главе с кн. Федором Барятинским а вместе с ним «Юшка Беззубцев из Путивля». Если учесть, что кн. Ф.П. Барятинский в 1610 г. был воеводой Лжедмитрия II в Новгороде-Северском¹⁸, а Ю. Беззубцев был известным предводителем служилых людей Путивля уже в 1605-1606 гг.¹⁹, то ясно, что в походе на Смоленск должны были принять участие дети боярские из Северских городов. Очевидно, намечалась крупная военная акция, в подготовке которой, судя по всему, принимало участие правительство Первого ополчения.

Однако действия восставших запоздали. 3 июня 1611 г. Смоленск был взят польско-литовскими войсками. Лишь после этого, по свидетельству «Повести о победах», смольняне из Рославля отошли к Брянску, стали просить правительство Первого ополчения о испомещении, и им было предложено «испоместитися в орзамаских и в курьмыских и в алатырских местех»²⁰. О их испомещении на землях Среднего Поволжья сохранилось также свидетельство «Бельской летописи», из него видно, что автор «Повести» был неточен, говоря об участии в событиях только детей боярских Смоленского уезда. В действительности дошли до Нижнего Новгорода, «бегаючи от литовских людей», дети боярские не только из Смоленского, но и из Бельского, Вяземского, Дорогобужского и Рославльского уездов²¹. Все они, по-видимому, ранее входили в состав войска собравшегося в Рославле. Согласно сообщению Симона Азарьина, их было «яко до двою тысящ и вящее число»²². Все это говорит о массовом

участии детей боярских западных уездов в восстании и о их общем решении скорее расстаться со своими владениями, чем подчиниться иноземной власти. По окончании Смуты на королевской службе осталось не более десятка смоленских детей боярских²³. Таким образом, участие детей боярских западных уездов в восстании есть основание считать не только массовым, но и всеобщим²⁴.

Восстание в западных уездах завершилось неудачей, но оно сыграло свою роль, на несколько месяцев задержав на западе страны королевскую армию. Первое ополчение получило передышку, которая дала возможность подготовиться к дальнейшей борьбе с противником²⁵.

Якорь: #prim

1. В январе 1611 г. королевская канцелярия выдавала жалованные грамоты детям боярским Бельского, Великолуцкого, Вяземского, Дорогобужского, Пусторжевского, Ржевского, Смоленского, Торопецкого уездов – Сухотин Л.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. М., 1911. С. 117-122.
2. См. перечни ратей из разных городов, принявших участие в походе, в грамотах из Ярославля в Казань и Великий Новгород (пересказ второго из документов сохранился в ответной новгородской грамоте) – ААЭ. Спб., 1836. Т. 11. № 183, 188/11.
3. ААЭ. Т. 11. № 183.
4. РГАДА. Ф. 389. Оп.1. Кн. 89. Л. 415.
5. См. в описи архива Посольского приказа: «Лист от короля к бояром, велено Ивана Микитина сына Салтыкова отпустить х королю под Смоленск, писан от Рождества Христова 1611го генваря в 2 день» (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 116).
6. Голиков И.И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 11. С. 190, 194.
7. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 11. № 232.
8. Nowiny z Moskwy – Biblioteka Jagielloska w Krakowie. Rkp. 102. K. 394. В кратком сообщении «Нового летописца» о посылке Салтыкова говорится, что он был послан «в Дорогобуж» (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 110). О роли И.Н. Салтыкова в организации восстания «Новый летописец» умалчивает, так как позднее Салтыков снова служил Сигизмунду.
9. Biblioteka im. Raczykich w Poznaniu. Rkp. 33. K. 292v-293.
10. См. об этом: Флоря Б.Н. Прокопий Ляпунов и Сигизмунд III // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 46-47, 50-51.
11. ПСРЛ. Т. 14. С. 110.
12. Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 26.
13. Там же.
14. Muzeum Narodowe w Krakowie. Dzial: Zbiory Czartoryjskich. Rkp. 105. K. 167.
15. Один из членов многочисленной семьи смоленских детей боярских – в смоленской десятне 1606 г. числится около двух десятков Уваровых. Мальцев В.П. Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 417-418.

16. Учитывая, что запись допроса дошла до нас в копии второй половины XVIII века, не исключено, что речь должна идти о смольнянине Афанасии Дивове. О нем см.: Мальцев В.П. Указ. соч. С. 369.
17. Федор Петров сын Вяземский – сын боярский смоленского архиепископа. Там же. С. 376.
18. Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 490.
19. Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 140, 213; Он же. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 82, 89.
20. Повесть о победах. С. 28-29.
21. ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 259.
22. Книга о новоявленных чудесах преподобного Сергия Радонежского. Творение Симона Азарьина // Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. С. 482.
23. Остафий Микулин, Илья Лыкашин, Алферий Тютчев, Федор Потемкин, Лаврентий Корсаков, Иван Мещеринов, Алексей Ефимьев, Юрий Потемкин (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 97. Л. 9, 14, 15 об., 17, 18, 34 об., 130, 242 об., 360).
24. Иное положение было, повидимому, в некоторых уездах Северо-Запада: в августе 1612 г. помещики из Великолуцкого, Пусторжевского и Ржевского уездов получали пожалования от Сигизмунда – Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. IV. С. 412 и сл.